

УДК 81'271

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Исаев М.И.

Как известно, литературный или стандартизированный язык во многом является плодом деятельности ученых-специалистов. Их работа начинается с создания письменностей, для чего требуется определение диалектной базы, графики и орфографии. В дальнейшем наиболее актуальными могут стать вопросы терминологии и орфоэпии.

Постановка проблемы. Наша страна – многонациональный Советский Союз, а теперь Россия – имеет богатейший опыт языкового строительства. Достаточно напомнить, что в первые 10-15 лет после революции 1917-го г. нашими учеными были созданы около полусотни новых литературных языков.

В последующие десятилетия перед учеными наиболее отчетливо встали вопросы языковой культуры. Их решение было важно для всех литературных языков. Однако всегда проблемы культуры русского языка стояли особняком.

Во-первых, русский является наиболее развитым языком в России как в структурном отношении, так и в функциональном плане. Во-вторых, вопросы культуры языка наиболее активно разрабатывались русистами. Наконец, в-третьих, на многочисленные языки народов России русская речь оказывает многоплановое влияние.

Отметим, что именно из русского языка усвоены и все еще усваиваются сотни и тысячи слов и терминов языками народов России. Среди заимствуемой через русский язык лексики большое количество так называемых интернациональных слов и терминов. На эту роль русский язык выдвинула сама история, сделавшая его языком межнационального общения в России и далеко за ее пределами.

Вот почему специалисты в области языковой политики, разумеется, пристально наблюдают за деянием своих коллег-русистов.

Думается, что русисты-специалисты по языковому планированию не должны упускать из виду тот непреложный факт, что у нас, в России, десятки народов широко используют в своей повседневной деятельности русский язык. Не зря во всех российских республиках он провозглашен государственным языком (наряду с языком титульной нации каждой данной республики).

Сказанное, на наш взгляд, дает основание рассматривать деятельность русистов в этнополитическом ракурсе. Это значит, что в результативности данной деятельности русистов заинтересованы не только они сами и русская культура, но также работники в области других национальных культур в нашей стране.

Отметим, что проблеме культуры языка в русистике посвящена большая литература, истоки которой в России так или иначе восходят к трудам М.В. Ломоносова, разработавшего основы нормативной грамматики и стилистики русского языка. Разыскания в этой области были продолжены рядом других ученых, среди которых назовем А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, Я.К. Грота, А.А. Потемню, А.А. Шахматова, В.И. Чернышева.

Позднее, начиная с 20-х гг. XIX в., наблюдается новая, пожалуй, наиболее плодотворная пора исследований вопросов нормы и культуры языка. Тут можно обозначить имена Г.О. Винокура, С.П. Обнорского, Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, а также Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова, Ф.П. Филина, В.В. Виноградова. В их работах были

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

подвергнуты специальному анализу происходившие в советское время интенсивные изменения в литературных нормах в области орфоэпии, орфографии, грамматики, а также стилистики.

Следует отметить, что советскими учеными решались параллельно как теоретические проблемы, так и практические вопросы, возникавшие в связи с происходившими интенсивными процессами языкового строительства в многонациональной стране.

В теоретическом плане наиболее принципиальным можно считать выдвинутую и всесторонне обоснованную концепцию принципиальной возможности и необходимости регулирования речевой жизни общества. Соответствующая деятельность ученых и работников культуры была названа *языковой политикой*, задача которой состояла в эффективном решении вопросов использования речевых образований и форм, исходя из объективных законов развития языка и общества.

В области языковой культуры проблема состояла в необходимости определения параметров литературной речи, соответствующих высшему уровню современной культуры, которая должна была оставаться при этом на народной речевой почве, и живых процессов развития национального языка. Отметим, что, в отличие от западной традиции, в которой обычно используют термин «культура языка» (нем. Sprachkultur), у нас начали пользоваться термином «культура речи». Сложилось и его понимание – как владение нормами устного и письменного литературного языка, т.е. утвержденными правилами произношения, словоупотребления, грамматики. Однако представляется, что для определения понятия «культура речи» этого недостаточно. Думается, что к сказанному следует добавить *умение использовать выразительные средства языка в разных ситуациях общения и в соответствии с целями и содержанием речи*.

Существует множество формулировок для определения понятия «культура речи». Однако в своей основе они сводятся, на наш взгляд, к указанным двум моментам.

Исходя из выдвинутых теоретических положений, в практической плане наши специалисты добились немалых успехов в поднятии языковой культуры **многонационального общества**.

Представляется, что очень-очень важно вести речь о культурологическом аспекте проблемы «культуры языка». Напомним, что культурология, в свою очередь, имеет тесную связь с идеологией, и даже с политикой. Логика же рассуждений приводит нас к понятию культурной политики, выступающей подчас идеолого-политическим субстратом при тех или иных теоретических подходах и построениях, а также их практической реализации.

В этом плане, пожалуй, наиболее показательным то, что мы наблюдаем в нашей стране последнее десятилетие.

Некоторые специалисты, стараясь не отстать от «тенденций эпохи» (уточним, эпохи ломки всего и под.), начинают пренебрегать и в истории, и на практике даже очевидными достижениями отечественной лингвистики и культурологии. Они о серьезных проблемах тшятся говорить «с чистого листа», будто «посылают знак», что не желают иметь ничего общего с тем, что говорилось в советскую эпоху. На практике получается та же политизированность прошлых десятилетий, только теперь наизнанку...

В этой связи определенный интерес представляет дискуссия (в виде интервью «с известными людьми»), которая проводится журналом «Мир русского слова» со второго номера за 2002 год. Так, на с.20 журнала №12 на вопрос «Что такое высокая речевая культура?» очередной участник дискуссии отвечает просто: «Это литературный русский язык» – и добавляет: «это, в первую очередь, пользование литературным языком». Ученый, видимо чувствуя недостаточность сказанного, добавляет: «высочайшим достижением речевой культуры я считаю умелую и грамотную игру с языком, т.е. именно отклонение от нормы» (подчеркнуто мною. – М.И.). А далее идут рассуждения, с которыми трудно не согласиться, ибо, действительно, «от великого до смешного – один шаг», вот почему «у бездарного

получается монстр (что особенно часто случается с журналистами, которые, пытаясь играть с языком, демонстрируют простую неграмотность). Так, может быть, «умелое пользование» литературным языком не следует называть вовсе «игрой»?!

Дискуссия по вопросам культуры языка за последние годы охватила большое количество лингвистов и культурологов. Мнения большинства специалистов так или иначе можно свести к двум антитезам.

Одни выражают крайнюю тревогу по поводу состояния культуры языков народов России вообще и русского языка – в особенности. При этом подчеркивается, что, к сожалению, в периоды крутых исторических образований в обществе и языку немало достается. Это наблюдалось после Октябрьской революции, наблюдается и сегодня, когда наше общество пожинает результаты экономической и культурной ломки.

Что касается последней, то она во многом носит «европоцентристский», «еврофильский» характер, в оценке которого мнения специалистов расходятся. Одни указывают, например, на необходимость возведения хоть каких-либо барьеров на пути культивирования, в особенности в СМИ, ненужных английских словечек (шок, шопинг, шоп-магазин, бомонд, телемикс и т.д.).

Очень многие авторы чуть ли не основную вину в «порче русского языка» возлагают на СМИ. При этом отмечается, что эрозии подвергаются все стороны языка – и лексика, и морфология, и синтаксис, и фонетика, а также даже темп речи.

Ясно, что языки народов страны наиболее успешно взаимодействуют в периоды культурной стабильности. Особенно важна стабильность русского языка, служащего источником новой лексики и терминологии для других языков. Но если «западники» нещадно расшатывают орфоэпические и лексико-грамматические устои русского литературного языка, то это создает определенные проблемы и для нормального развития национальных литературных языков. Кроме того, это отражается на отношении в республиках (да и в самих русскоязычных регионах) к великому русскому языку, который может принимать разные «качества».

В этой связи иные специалисты (более или менее завалуированно) полагают, что вообще нельзя ставить перед нерусскими оптимальных целей овладения в совершенстве русским языком. Справедливо отмечая трудности достижения этой цели, некоторые «договариваются» до того, что считают возможным «узаконить» так называемые «национальные» или «локальные варианты» русского литературного языка.

Действительно, подобные случаи известны в истории мировой культуры. Скажем, единый в прошлом английский литературный язык распался на ряд вариантов (американский, индийский, британский и т.д.). Но корни подобного хода событий надо искать в истории самих носителей языка – они стремились к самостоятельному государственному развитию, что не могло не отразиться и на их речи. Кроме этого, образование языковых вариантов происходило, когда не было ни радио, ни телевидения, вещание которых поддерживает существование единых речевых норм.

Случай с нашими народами диаметрально противоположен. Они идут по пути все большей интеграции и ныне образуют единый российский народ, основным средством общения которого является русский язык.

Практические трудности достижения хорошего знания языка межнационального общения проистекают из того, что зачастую изучение русского языка начинается не в раннем возрасте. В результате навыки родной речи сковывают речевой аппарат человека, придают его русскому языку «национальный колорит» («акцент»).

Средства преодоления интерферирующего влияния стихии родного языка на русскую речь нерусских в принципе те же, что и для самих русских, являющихся с детства носителями различных диалектов. И там и тут, кстати сказать, так называемый «акцент» может быть до конца так и не преодолен.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Однако культура речи не сводится к произносительным нормам. Куда важнее лексико-фразеологические аспекты, которые раскрывают подлинное богатство любого языка.

Итак, культура русской речи у нерусского населения национальных республик, по нашему мнению, должна пониматься как владение «богатствами» русского языка в той же степени, в какой владеют ими сами русские – носители литературного языка.

Что касается практической стороны дела, то оберегать сбалансированную систему русского литературного языка от всех возможных политических потрясений. Ясно, что разрушительному воздействию легче всего подвергается лексика. Это особенно ярко иллюстрирует изменения, которые вносятся в названия бывших республик СССР. Порой, кажется, что и политики, и СМИ начинают «игру в поддавки».

Скажем, появились в печати новых государств названия «Кыргызстан», «Молдова», и услужливые СМИ тут же «забыли» исконное русское звучание этих топонимов («Киргизия», «Молдавия»). При этом не смутило радио- и тележурналистов и то обстоятельство, что современному русскому языку не свойственны звуковые сочетания типа «кы» и «гы». Навязывание этих форм продолжается, т.к. никто не дает отпора хулителям нашей культуры. В такой обстановке «зараза» распространяется и на некоторые бывшие автономные республики, которым первый президент России подарил «столько суверенитета, сколько они смогут переварить». И наряду со статьями о «государственном суверенитете» в республиканских конституциях в некоторых случаях появились и «национальные названия» типа «Башкортостан» вместо устоявшегося в русском языке «Башкирия». И что же, разве кто-нибудь сказал: «Не трогайте нормы русского языка»? Властно – никто. Вот нашлись же слова: «Приведите свои конституции в соответствие с общероссийской». Поморщились, но приводят. Уже исчезает из текста республиканских законодательств это «гордое» понятие «суверенитет». А топонимика ... остается, искажая подчас внутренние законы русского языка.

Чтобы понять нашу точку зрения, достаточно взглянуть на политическую карту мира.

Не говорили же мы «Ингланд» (вместо «Англия»), «Мадьярорсаг» («Венгрия»), «Данмарк» («Дания»), «Дойчланд» («Германия»), «Франс» («Франция»), «Эспания» (Испания) и т.п. С другой стороны, не требуем мы, чтобы и в других странах нашу родину называли, как мы сами, «Россией», а не «Рюси» (французы), «Русланд» (немцы), «Раше» (англичане), «Вене» (эстонцы), «Росья» (поляки), «Руско» (чехи) и т.д.

Выводы. Откуда эти «двойные стандарты» как в политике, так и в культуре? Не потому ли, что мы сами не защищаем свою культуру, свой язык. А не защищаем потому, что отчасти не видим своего долга перед историей своей страны и своей культуры. Да будет позволено употребить высокопарные слова о том, что мы сами во многом ответственны за сохранность и приумножение ценностей нашей неповторимой культуры и языка, являющихся достоянием всего человеческого общества.

Это прекрасно осознавала величайшая поэтесса XX в. Анна Ахматова, чьи проникновенные слова прозвучали в блокадном Ленинграде:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
– И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...

Поступила в редакцию 14.03.2005 г.